Людмила Анцигина

Родилась в 1948 году. Живёт в Таре. Кандидат педагогических наук, доцент. Автор многих научных, публицистических статей.

Публиковалась в литературно-краеведческом альманахе «Тарянс».

«И МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ…»

Как часто красота людей меркнет, когда они начинают говорить безграмотно, грубо, забывая о нормах языка, требованиях к чистоте нашей речи. Мы решили привлечь внимание к проблеме функционирования бранных и нецензурных слов, так как их употребление в нашем общении, к сожалению, сейчас так же распространено, как и пьянство. Сквернословие стало бытовым явлением. Многие считают его болезнью общества, требуют запретить, другие рассуждают иначе.

Рассмотрим различные точки зрения по данному вопросу, и, может быть, они заставят читателей внимательнее относиться к тому, как они говорят, прислушиваться к речи окружающих. Конечно, готового рецепта, в силу специфичности явления, у нас нет, ведь каждый волен сам выбирать языковые средства для общения, но всё же…

Не так давно у меня в руках оказался небольшой листок-обращение Знаменского храма г. Ханты-Мансийска о сквернословии (есть на сайте http://prihod-znamenie.ru). Познакомлю и вас с отрывком из него: «… То, что даже несколько лет назад считалось верхом бесстыдства и распущенности, сегодня стало чуть ли не нормой. С некоторых пор эта грязь стала ещё и неким штампом, чуть не всенепременным атрибутом *русскости* – вроде пресловутых мишек да балалаек, водки да селёдки. Какой ты, дескать, мужик, ежели не можешь загнуть эдакое?! Сквернословие проникло в печать, кино, на телевидение. Происходит опошление нашего быта. Уже повсеместно можно слышать утверждения, что мат – нормальное явление в языке. Мат грозит стать чуть не альтернативной нормальному литературному русскому языку. Гнилые слова становятся нормой в языке. Сквернословие употребляется даже в семьях и между взрослыми, и в разговоре родителей с маленькими детьми. Сквернословие проникло в наши жилища и дворы, школы и улицы, укромные уголки тенистых скверов и бескрайние поля, сам воздух России, кажется, напоён до предела миазмами этой заразы. Сквернословят стар и млад: отцы семейств и хранительницы очага, подрастающие мужчины и будущие матери, и даже маленькие дети. Причём женская половина нашего общества ныне даст фору мужской. Ожидающие своего благословенного появления на свет Божий младенцы ещё в утробе своих матерей вместе со смрадом удушливого сигаретного дыма заглатывают грязь брани. Слово, предваряющее их начало, омерзительно и богохульно…»

К пафосу составителей обращения близки размышления священника Романа Ледина, преподавателя славянского языка в Духовном училище Пскова: «В корне матерных слов содержится упоминание о детородности, матом проклинается источник жизни, деторождение, родители, а при глубоком анализе этих слов становится понятно, что проклинают Творца, потому как Бог есть источник жизни» [2, с. 190].

Опасения по поводу вреда сквернословия имеются не только у священнослужителей – для них это гнусный порок, который в Священном Писании приравнивается к смертному греху, – но и у других сообществ. Так, в материалах круглого стола «Русский язык на постсоветском пространстве», проходившего в Челябинске (2016), отмечено: «Как правило, нецензурные слова употребляли только маргиналы, проклиная родную мать за своё рождение. И это было объяснимо. Детей обрекали на пропащую жизнь с момента их появления на свет. По одной из версий, слово "мат" произошло от слова "мать". Отсюда и выражение "послать по

матушке". Какие претензии к своему рождению у современных прелестниц, упакованных в дорогие, роскошные наряды, и у солидных, успешных в карьере мужчин, понять трудно. Но мат сегодня употребляют и те, и другие» [4, с. 11–12].

Василий Ирзабеков в своей книге о русском языке вспоминает: «Много лет назад, ещё юношей, впервые соприкоснувшись с людьми искусства, которых принято называть богемой, был неприятно поражён тем, что мат и сквернословие, мужицкая грязная брань считаются в этой среде, как это ни покажется парадоксальным (ведь речь идёт, в первую очередь, о художниках, поэтах, актёрах), атрибутом некоей элитарности. Уточню: речь именно о тех представителях данного "сословия", кто… охотно демонстрирует это как своеобразную избранность» [2, с. 225].

А бывший министр культуры Михаил Швыдкой на канале «Культура» посвятил русскому мату отдельную передачу, благосклонно отзываясь о нем как о «перчинке», которой сдабривают русскую речь.

Может быть, выработать единую позицию по отношению к сквернословию, ведь действительно, речь идёт о языке, самом сокровенном, самом высоком, дорогом? Утверждают же: «Грешники, для которых родным является ругательный псевдоязык, становятся псевдонародом» [1].

И данное утверждение небеспочвенно: в церковнославянском языке слова *язык* и *народ* суть одно слово: каков язык – таков и народ. В определении *нации* язык тоже является одним из релевантных признаков: «Исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности на территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика» (Большой толковый словарь русского языка).

Раз уж мы обратились к словарям, посмотрим, как определяется в них значение слова *скверна*, лежащего в основе названия рассматриваемого явления. В.И. Даль в своём «Толковом словаре живого великорусского языка» пишет, что *скверна* – это мерзость, гадость, пакость, касть, всё гнусное, противное, отвратительное, непотребное, что мерзит плотски и духовно; нечистота, грязь и гниль, тление, мертвечина, извержения, кал; смрад, вонь; непотребство, разврат, нравственное растленье; всё богопротивное. Очень ёмкое и эмоциональное определение, после которого становится не по себе!

Учёные-лингвисты дают научное определение любому языковому явлению. Посмотрим, что вкладывает в понятие сквернословия профессор Иосиф Абрамович Стернин: «Сквернословие – это экспрессивные слова с неодобрительным значением, используемые с намерением или без намерения оскорбить слушающего – бранная и нецензурная лексика. … Сквернословие, таким образом, включает бранную лексику (осуждается общественным сознанием) и нецензурную лексику (запрещена к публичному использованию общественным сознанием)» [5, с. 5–6].

Таким образом, сквернословие оскорбляет собеседника и негативно характеризует говорящего, в связи с чем в общественном мнении оно рассматривается как подлежащее исключению из употребления в общественных местах. При этом оно всё же имеет узкие сферы своего употребления, то есть выполняет какие-то определённые функции: в некоторых ситуациях *инвектива* (грубое слово) способна снять стресс, эмоциональное напряжение; защитить свой статус и понизить статус оппонента; послужить дружеским подбадриванием; помочь скрыть страх, уязвимость и т.д. Но чаще всего она выступает во вставочно-междометной функции (попросту говоря, для связки слов).

Замечено также, что в России нередко наблюдается ещё начальственное сквернословие – начальник сквернословит в присутствии подчинённых, подчёркивая свою доминантность, власть, привилегированное положение. Физик В. Шкловский рассказывал об одном очень серьёзном совещании у

Берии: Берия прервал докладчика и обрушил на собравшихся академиков поток грязной брани. Ученые потупили глаза, и тут встал академик П. Капица и стал в тех же выражениях честить Берию: мол, когда разговариваешь с физиками, мать твою перемать, ты должен стоять по стойке смирно, а не позволять себе такую наглость. Берия тут же прервал совещание, а на следующий день Капица был снят с поста директора Института физических проблем АН СССР и посажен под домашний арест. Материться имел право только Сам… [5, с. 14]. Думаю, многие приведут и более свежие примеры такого поведения.

А что понимается под матом? В лингвистике – самые грубые слова, выражающие крайнюю степень раздражения, презрения, наиболее сильную степень эмоции, как правило – отрицательной. К мату относятся некодифицированные единицы, то есть такие, которые не признаются единицами литературного языка, не фиксируются общеупотребительными толковыми словарями и не употребляются в письменной форме, не могут быть употреблены при выступлении перед аудиторией, в печати, в средствах массовой информации, в художественных произведениях. Таких слов в русском языке, как и в других языках, немного, хотя это не делает их менее заметными, поскольку они, к сожалению, очень часто употребляются в устной речи и имеют много производных.

Профессор, доктор философских наук Максим Кронгауз в своей книге посвятил анализу сквернословия несколько страниц под названием «Поле брани» [3, с. 312–318]. Каково его отношение? «Случилось самое страшное: мы теряем наше национальное достояние, наш русский мат. Читатель, конечно, не согласится и, может быть, добавит в подтверждение несколько слов. … Как лингвист я к мату отношусь с большим уважением. Русский мат – это сложная и, безусловно, уникальная языковая и культурная система с большим количеством разнообразных функций. Кроме многообразия функций важно еще многообразие культурных запретов – табу, которые накладываются на употребление матерных слов.

Можно назвать ряд правил, которые ещё недавно соблюдались в городской образованной среде. Взрослые не используют мат при детях, а дети – при взрослых. Мужчины не матерятся при женщинах, а женщины – при мужчинах. Нельзя материться в публичных местах и в официальной обстановке. Мат недопустим в книгах, фильмах, на сцене и т. д. Исключения, конечно, всегда бывали, но они воспринимались именно как исключения, то есть нарушение нормального общепринятого поведения. Культурным считался не тот человек, кто не знал, что такое мат, или не употреблял его вовсе, а тот, кто знал соответствующие правила и умел, говоря научным языком, переключать регистры: не ругаться при детях и женщинах, но, когда надо, рассказать смешной анекдот или спеть песню Галича».

В итоге Кронгауз признаёт, что полноценной национальной идеи из мата не получится, так как сегодня он разъединяет людей. Можно согласиться с учёным в том плане, что необходимо изучать все пласты национального языка, в том числе и мат. Но характеризовать его как национальное достояние, которое «теряем», в то время, когда его распространение стало настоящим бедствием, а ругательства звучат повсеместно, слишком смело. Ведь именно в этом кроется причина «разъединения людей», о котором сокрушается Максим Кронгауз.

Чтобы картина была полной, вспомним, когда и как возникли ругательства, как к нему относились наши предки. Оказывается, ругательства – очень древние единицы языка. Из работы И. А. Стернина узнаём, что аналоги ругательств этнологи находят повсеместно и в животном мире (оскал зубов, рык, распушивание перьев и т. д.); ругательства возникали как угрозы, как демонстрация агрессивности, власти, доминирования. О древности их свидетельствует и так называемый синдром Туретта – больные, страдающие этим

синдромом, подвержены неожиданным вспышкам рычания и неконтролируемого сквернословия [5].

(Я думаю, многие были свидетелями того, как при инсультах или других заболеваниях мозга человек утрачивает речь, а способность к сквернословию – нет).

Происхождение многих нецензурных слов древнее, праславянского, возможно, индоевропейского периода. В памятниках древнерусской письменности есть указания на их употребление. Так, в челобитной грамоте царю один боярин жалуется на другого, что тот обругал его «матерны». Встречаются они и в новгородских берестяных грамотах.

И ещё из истории: со сквернословием боролись всегда, во все времена, начиная с зарождения христианства. После Крещения Руси за сквернословие строго наказывали. В указе царя Алексея Михайловича 1648 года подчёркивается недопустимость сквернословия в свадебных обрядах: чтобы «на браках песней бесовских не пели и никаких срамных слов не говорили». Здесь же упоминается и о святочном сквернословии: «А в навечери Рождества Христова и Васильева дня и Богоявления... чтобы песней бесовских не пели, матерны и всякою непотребною лаею не бранилися».

Считалось, что матерным словом оскорбляется, во-первых, Матерь Божия, во-вторых, родная мать человека и, наконец, мать-земля.

В Запорожской Сечи употребление брани было строжайше запрещено под угрозой наказания плетью у позорного столба. Причём правило это действовало и во время длительных казацких походов. И если в годы правления государя Алексея Михайловича сквернословам вырывали язык, то указом Петра I их секли розгами.

Бытует мнение о том, что император Николай I был прозван «Палкиным» именно за то, что перевоспитывал матерящихся, пропуская через строй в пятьдесят палок. Ещё один любопытный исторический факт: на Екатеринославском заводе (ныне это завод имени Петровского в Днепропетровске) самый большой штраф был за матерщину, а уж потом – за пьянство и воровство. В те времена матерная ругань воспринималась обществом именно как хула на Господа и Богородицу.

Формально и сегодня действует соответствующая статья «Кодекса об административных правонарушениях РФ», предусматривающая за сквернословие штраф или арест до пятнадцати суток. Но на деле это соблюдается крайне редко.

Ругательства существуют во всех языках. А это означает, по мнению многих учёных, что они нужны: ни один язык не держит в своем словарном запасе таких слов, которые не удовлетворяли бы какие-то их коммуникативные потребности. Просто ругательства требуют строго ограниченных ситуаций употребления.

Таким образом, если отойти от эмоций, сквернословие – это употребление бранной и нецензурной лексики, которая относится к просторечию и входит в наш национальный русский язык наряду с диалектными и жаргонными словами. Язык и речь – это не одно и то же, поэтому надо добиваться соблюдения правил функционирования языковых коммуникативных единиц в обществе.

Нормы культуры поведения и общения предписывают говорящим ограничивать инвективное (ругательное) словоупотребление, заменять резкие и грубые слова на менее оценочные и более стилистически нейтральные.

Трудно не согласиться с мнением, что победить сквернословие мы сможем тогда, когда исчезнет публичное сквернословие, то есть сквернословие в общественных местах. В узких же коммуникативных сферах, в специфических узких сообществах людей сквернословие всегда будет сохраняться. «Виноваты» в обществе не сами ругательства как знаки языка, а их неумеренное или неуместное употребление. Если преступник воспользовался ножом для совершения преступления, виноват в преступлении всё-таки он, а не его нож [5].

Сейчас можно говорить об определённом возвращении запретов на брань в официальных ситуациях, в том числе на телевидении и радио, в газетах и журналах. Мат не исчез из публичной речи совсем, как в советское время, но заменяется: на телевидении – специальным писком, в печатном тексте – точками.

Особенно любопытно отношение к мату в интернете. Здесь вроде бы отсутствует цензура, всё дозволено, и мат должен процветать (с чем мы неоднократно сталкиваемся), но тем ценнее возникновение спонтанных культурных запретов, иногда очень аккуратно и корректно сформулированных. Приведём пример правила для книжного сообщества: «Не выражайтесь – рецензии, содержащие нецензурную брань, будут удаляться. Это не снобизм, а элементарное приличие и уважение к другим». Одно из требований для комментирования: не употреблять бранную и нецензурную лексику.

Конечно, со сквернословием необходимо вести борьбу. Но эффективны ли призывы к полному запрету бранной и нецензурной лексики? Наиболее реалистичной и эффективной нам представляется разъяснительная работа по уместности используемых речевых средств, то есть борьба за культуру речи.

Свою роль в борьбе со сквернословием должны сыграть женщины – не выражаться самим, не допускать сквернословия в своём присутствии, в присутствии своих детей.

Любопытно, что и в Интернете, и в некоторых печатных публикациях (в том числе приведённых нами) появились ссылки на исследования Российской академии наук, которые позволяют говорить о том, что ДНК человека способна воспринимать речь и читаемый текст по электромагнитным каналам, что одни тексты оздоравливают гены, а проклятия и матерщина ведут к вырождению человека: любое произнесённое слово есть не что иное, как волновая генетическая программа, влияющая не только на нашу жизнь, но и на жизнь наших потомков. Считают, что матерные слова просто «взрываются» в генетическом коде русского человека. Если человек постоянно употребляет таковые, его хромосомы деформируются, происходит «естественная» мутация.

Как бы ни хотелось в это верить, данные выводы, на наш взгляд, не являются убедительными. А вот что бесспорно, так это то, что граница языка отдельно взятого человека есть в то же самое время и некая граница его духовного мира. Неудивительно поэтому, что объём лексики у Пушкина составляет 313 тысяч слов, а у Лермонтова и того больше – 326 тысяч! В речи же некоторых наших соотечественников расширяется диапазон бранной лексики и мата, но при этом утрачиваются многие единицы литературного языка, он обедняется, то есть происходит стремительная лексическая (а значит, и духовная, и интеллектуальная!) деградация нашего общества в сторону печально знаменитой героини И. Ильфа и Е. Петрова – Эллочки Людоедки.

Знакомый многим современный поэт Константин Фролов-Крымский (стихи его в свою программу взял известный актёр Василий Лановой, а другой, не менее известный актёр Александр Михайлов цитировал во время трансляции на канале «Россия» прохождения Бессмертного полка) проникновенно обращается к читателям:

Наш язык – продолжение той
сокровенной молитвы,
Что свела воедино разрозненные
племена.
Восхитительным гимном звучала
в преддверии битвы
И на подвиг святой сыновей вдохновляла
она!
Так не дайте ж иссякнуть Ключу в годы
смут и брожений!
Не позвольте ничтожествам храм языка
разорить!..
А иначе, друзья, вы достойны любых
унижений,
Если вам всё равно, на каком языке
говорить.

И в заключение хотелось бы высказать простую мысль: сколько бы ни заботилось государство, российские интеллектуальные и профессиональные сообщества о чистоте и сохранении русского языка, существенных изменений не произойдёт, если мы не поймём, что забота о русском языке, русской речи – долг каждого его носителя, то есть нас с вами.

1. Воробьевский Ю.Ю. Время дожития? О судьбе Русского языка. М., 2017. 64 с.

2. Ирзабеков Василий (Фазиль). Русское солнце, или Новые тайны русского слова. М., 2011. 496 с.

3. Кронгауз Максим. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2017. 512 с.

4. Русский язык на постсоветском пространстве: сборник / сост. Л.М. Рабчёнок. Челябинск, 2016. 56 с.

5. Стернин И.А. Проблемы сквернословия. Воронеж: Истоки, 2011. 21 с.